

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ОХРАНЯЮЩЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИЛИ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ?

Представленная статья продолжает цикл исследований, посвящённых реформированию российского уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности. Исходя из анализа точек зрения учёных, автором делаются выводы о дальнейшем реформировании обозначенного законодательства.

Ключевые слова: реформирование; глава 22 Уголовного кодекса Российской Федерации; общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Охраняющая общественные отношения в сфере экономической деятельности глава 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, несмотря на её новизну и постоянно вносимые в составляющие её нормы поправки, является по-прежнему далёкой от совершенства. Подтверждение сказанному – то, что из более чем 40 норм, составляющих указанную главу, на практике применяются лишь 5 (!). К последним относятся нормы, устанавливающие уголовную ответственность за совершение незаконного предпринимательства, изготовления либо сбыта поддельных денег или ценных бумаг, уклонение от уплаты налогов, таможенных платежей.

Несмотря на это, в юридической литературе высказывались точки зрения о несовершенстве отдельных из указанных уголовно-правовых норм. В частности, о несовершенстве нормы, устанавливающей уголовную ответственность за совершение незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ). В действующей редакции рассматриваемая норма подлежит применению в случаях извлечения лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без государственной регистрации, а также без лицензии, дохода в крупном и особо крупном размерах. По мнению М.А. Савкиной, «любой доход вне зависимости от размера без регистрации и без получения лицензии, когда это предусмотрено законом, является незаконным» [1. С. 47]. Таким образом, автором предлагается «расширить» сферу применения ст. 171 УК РФ. На наш взгляд, обозначенное предложение вполне обосновано, поскольку установить как крупный, так и особо крупный размер дохода, извлекаемого в результате совершения незаконной предпринимательской деятельности, часто бывает трудно. Это отмечали и многие практические работники.

Одновременно были высказаны мнения о несовершенстве и иных норм, составляющих главу 22 Уголовного кодекса РФ. Обоснованной критике подверглась ст. 172 УК РФ, устанавливающая ответственность за совершение незаконной банковской деятельности. По мнению учёных, в диспозиции рассматриваемой нормы законодателем указывается на осуществление банковских операций без регистрации или специального разрешения (лицензии) в случаях, когда разрешение либо лицензия обязательны. В исследуемой ситуации необходимо принять во внимание положения Федерального закона РФ «О банках и банковской деятельности», устанавливающие, что

законное право на осуществление банковских операций имеют только банковские организации и небанковские кредитные организации, для которых обязательно требование получения лицензии на ведение банковских операций. На основании этого и выделяется несоответствие в одном из элементов диспозиции рассматриваемого уголовно-правового запрета – «в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно», поскольку в Федеральном законе РФ «О банках и банковской деятельности» прямо предусмотрена обязательность получения лицензии на данный вид деятельности [Там же. С. 48].

Таким образом, в диспозиции ст. 172 УК РФ имеет место противоречие между гражданским и уголовным законодательством. Принимая во внимание, что правила осуществления экономической деятельности установлены преимущественно нормами гражданского права, в рассматриваемой ситуации оказался нарушенным и один из принципов криминализации деяний, посягающих на экономическую деятельность, – принцип согласованности норм уголовного права с положениями охраняемых отраслей права [2. С. 110]. Результат – наличие как в диспозиции ст. 172 УК РФ, так и в диспозициях иных уголовно-правовых норм, охраняющих общественные отношения в сфере экономической деятельности, значительного количества пробелов. В.В. Лазаревым обоснованно отмечалось, что «пробел хотя бы одного из элементов нормы равнозначен отсутствию нормы вообще» [3. С. 24]. Обозначенная точка зрения имеет подтверждение именно в рассматриваемой сфере, о чём свидетельствует приведённая ранее ситуация с применением на практике норм, составляющих главу 22 УК РФ.

Таким образом, диспозиция нормы, устанавливающей уголовную ответственность за совершение незаконной банковской деятельности, несмотря на достаточно подробное раскрытие в ней законодателем сущности запрещаемого деяния, фактически является несовершенной. Как следствие – единичные случаи её практического применения. Следует отметить, что деяние, ответственность за совершение которого установлена ст. 172 УК РФ, помимо экономического ущерба, несёт и опасность, что в результате, например, незаконного обналичивания денежных средств возможно даже финансирование терроризма [4. С. 8].

Таким образом, возникает необходимость реформирования рассматриваемой нормы. В юридической литературе высказывались предложения по совер-

шенствованию ст. 172 УК РФ. В частности, предлагалось внесение в неё изменений с целью «дифференциации ответственности в зависимости от степени общественной опасности» [1. С. 48]. Обозначенное предложение вполне обосновано, поскольку предусмотренное в действующей редакции ст. 172 УК РФ наказание за осуществление незаконной банковской деятельности не является дифференцированным. В частности, размеры санкции её ч. 2 одинаковы как за осуществление незаконной банковской деятельности организованной группой, так и за извлечение дохода в особо крупном размере. Таким образом, оказался нарушенным принцип справедливости уголовного права, отражённый в ст. 6 УК РФ, поскольку совершение преступления организованной группой, согласно ст. 63 УК РФ, законодателем относится к отягчающим уголовную ответственность обстоятельствам.

По нашему мнению, возможна и декриминализация незаконной банковской деятельности. Ранее нами отмечалось о возможной декриминализации незаконного предпринимательства с одновременным установлением уголовной ответственности за незаконное извлечение дохода [2. С. 178]. Следовательно, декриминализация незаконной банковской деятельности вполне реальна.

В юридической литературе обосновано отмечается о существенных недостатках вносимых законодателем в главу 22 УК РФ поправок. М.В. Жерновым пишет, что «в результате внесённых на основании Федерального закона РФ № 134-ФЗ от 28 июня 2013 г. поправок в главу 22 УК РФ под действие статей о легализации подпадают как денежные средства, добытые преступным путём, так и денежные средства, сбережённые преступным путём» [5. С. 19]. Таким образом, ст. 174–174.1 УК РФ по-прежнему оказались «неработающими», поскольку для их практического применения необходимо применение и ст. 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов». Обозначенное реформирование фактически оказалось «холостым выстрелом». Одновременно в результате его оказалась фактически неработоспособной предусмотренная УК РФ «концепция возможности освобождения от ответственности лиц, впервые совершивших налоговые или таможенные преступления, при условии полной выплаты ими сбережённых сумм и штрафов, поскольку прекращение уголовного дела по налоговому преступлению не влечёт за собой прекращения уголовного дела по факту отмывания денег» [Там же].

Таким образом, рассмотренные поправки ведут лишь к ужесточению уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. Результат их внесения – возможность значительного давления на бизнес со стороны правоохранительных органов [Там же].

Таким образом, имеет место парадоксальная ситуация, когда в результате «совершенствования» уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, указанные отношения фактически оказались поставленными под угрозу со стороны правоохранительных органов. В сложившейся ситуации об охранительной функции уголовного законодательства не может быть и речи. На наш взгляд, в обозначенной ситуации

налицо «карательная» функция уголовного права, не имеющая ничего общего с его охранительной функцией. Представляется, что в данной ситуации занимающиеся бизнесом субъекты либо начнут уходить в сферу «теневой экономики», либо совсем прекратят осуществлять предпринимательскую деятельность. В обоих случаях государство лишится значительной части налоговых поступлений в соответствующие бюджеты. Одновременно не исключается и рост безработного населения. Таким образом, во избежание наступления указанных последствий законодательно снова следует внести соответствующие поправки в «антиотмывочные» нормы УК РФ. Во избежание рассмотренной нами законодательной «ошибки» необходим соответствующий мониторинг данных норм.

Приведённые факты не являются единичными. Как «проблемную» следует, на наш взгляд, рассматривать и уголовно-правовую норму, охраняющую коммерческую, налоговую и банковскую тайну (ст. 183 УК РФ). Исследуемая норма за время её существования в главе 22 УК РФ всего один (!) раз подверглась изменениям, и то указанные изменения коснулись, на основании Федерального закона РФ от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, лишь санкций, установленных за совершение запрещаемых ею деяний. По нашему мнению, следует внести дополнения и в её диспозицию в части раскрытия такого элемента, как «тяжкие последствия» [2. С. 164]. В юридической литературе некоторые учёные к указанным последствиям относят банкротство фирмы, разорение, а также смерть либо самоубийство предпринимателя [6. С. 36]. На наш взгляд, в обозначенный перечень следует добавить и «рейдерский захват фирмы», поскольку в результате его также возможно наступление таких тяжких последствий, как увольнение работников в связи с проводимой новым руководством фирмы «оптимизацией» штатной численности. Также не исключается наступление и иных тяжких последствий. Таким образом, для оптимизации ст. 183 законодательно необходимо сформулировать соответствующее Примечание к ней, которое содержало бы дефиницию «тяжких последствий».

Наряду с исследованными к «проблемным» следует отнести и нормы, устанавливающие уголовную ответственность за совершение криминальных банкротств. При этом количество банкротств ежегодно увеличивается. Одновременно показатель выявленных экономических преступлений, связанных с нарушениями законодательства о банкротстве (ст. 195–197 УК РФ), остаётся достаточно низким [7. С. 44]. Указанная ситуация сложилась вследствие несовершенства уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за данное деяние. Согласно действующей редакции рассматриваемых норм, для применения их на практике необходимо причинение виновным лицом крупного ущерба. При определении размера данного ущерба именно как крупного правоприменитель обязан руководствоваться Примечанием к ст. 169 УК РФ, устанавливающим «крупный размер ущерба».

В юридической литературе справедливо отмечается, что «и в теории, и в правоприменительной практи-

ке до сих пор не решён вопрос, следует ли под причинением крупного ущерба понимать ущерб, нанесённый только одному потерпевшему – кредитору, либо же это совокупный ущерб, причинённый нескольким кредиторам. Отечественная судебная практика по данным уголовным делам не даёт однозначного ответа на этот вопрос» [Там же]. В обозначенной ситуации возможно произвольное определение указанного элемента различными правоприменителями [8. С. 38], что противоречит такому принципу уголовного права, как принцип законности.

Одновременно с вопросом об исчислении размера крупного ущерба открытым остаётся и вопрос о том, кого следует рассматривать субъектом криминальных банкротств. Ввиду достаточной сложности возникающих вокруг должников общественных отношений, которым в результате совершения указанных преступлений причиняется вред, законодатель обязан достаточно точно установить данного субъекта [9. С. 82]. Поскольку исследуемые преступления посягают на общественные отношения, возникающие в сфере предпринимательской деятельности, одним из их субъектов следует рассматривать индивидуального предпринимателя. Одновременно не исключаются и иные субъекты, например руководитель должника, участники юридического лица, члены совета директоров [Там же. С. 83]. Таким образом, вопрос о том, кого следует рассматривать субъектом криминальных банкротств, является достаточно сложным.

Не менее сложным является и вопрос об исчислении размера крупного ущерба, причиняемого в результате совершения исследуемых преступлений. Для точного решения обозначенных вопросов, на наш взгляд, необходимо принятие Пленумом Верховного суда РФ соответствующего Постановления.

Рассмотренные примеры несовершенства отдельных норм, составляющих главу 22 УК РФ, являются далеко не единичными. Как известно, в 2013 г. глава 22 УК РФ вновь подверглась значительным изменениям и дополнениям. В частности, в целях деофшоризации отечественного бизнеса законодателем в рассматриваемую главу была введена новелла, криминализирующая вывод денег за рубеж под видом совершения законных финансовых операций и направленная на борьбу с достаточно распространённым способом их вывода, как перечисление под видом оказания консультационных, бухгалтерских, юридических и иных услуг – ст. 193.1 УК РФ [5. С. 19]. Несмотря на новизну указанного уголовно-правового запрета, в юридической литературе были высказаны точки зрения о его несовершенстве. В частности, по мнению отдельных учёных неясно, как следует устанавливать заведомую недостоверность сведений о совершённых платежах. В частности, «в случае привлечения иностранной консалтинговой организации существует риск возложения на российскую организацию-клиента бремени доказывания реальности оказанных услуг под угрозой привлечения к уголовной ответственности за вывод денежных средств на основании якобы мнимой сделки» [Там же. С. 20].

Таким образом, исследуемая новелла может оказаться практически неприменимой, не дающей эффекта в борьбе с вывозом за рубеж денежных средств.

Обозначенная ситуация явилась результатом ошибки законодателя, стремящегося как можно скорее сформулировать соответствующий уголовно-правовой запрет, не проводя какого-либо мониторинга ситуации, сложившейся в сфере борьбы с определённым деянием, в частности с выводом из страны денег с использованием подложных документов. Таким образом, по-прежнему имеет место законодательный пробел в сфере борьбы с рассматриваемым деянием. В целях его устранения законодателю следует внести в диспозицию ст. 193.1 УК РФ соответствующие поправки.

Таким образом, нормы, составляющие главу 22 УК РФ, несмотря на новизну некоторых из них, являются по-прежнему несовершенными. Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, существует большое количество уголовно-правовых норм, охраняющих общественные отношения в рассматриваемой сфере, с другой – фактически все они «неработающие». Обозначенная ситуация, на наш взгляд, обусловлена целым рядом обстоятельств.

В качестве одного из указанных обстоятельств следует, по нашему мнению, рассматривать стремление законодателя сформулировать в целях охраны общественных отношений в сфере экономической деятельности как можно больше уголовно-правовых запретов. Как показывает практика, в результате появляются фактически неэффективные, «мёртворождённые» уголовно-правовые нормы. Как пример, следует рассматривать существовавшую до 2010 г. в УК РФ ст. 173, устанавливавшую ответственность за совершение лжепредпринимательства. По замыслу законодателя, указанная норма предусматривала уголовную ответственность за создание организации без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность. Конструктивные признаки исследуемого деяния свидетельствовали об отсутствии у лица намерения осуществлять данную деятельность. В связи с этим самостоятельное применение указанной нормы на практике не представлялось возможным, требовалась дополнительная квалификация, в частности, по ст. 176 УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконное получение кредита.

Таким образом, рассматриваемая норма решала искусственно созданные задачи, что противоречило принципу вины в уголовном праве, отражённом в ст. 5 УК РФ [2. С. 108].

На наш взгляд, обозначенный уголовно-правовой запрет должен был быть направлен на борьбу с фирмами-«однодневками», что на момент принятия действующего УК РФ являлось актуальным. При этом уголовно-правовые нормы, направленные на борьбу с данными фирмами (ст. 173.1–173.2), были введены в главу 22 УК РФ лишь в 2011 г. Таким образом, несмотря на существование уголовно-правовой нормы, имел место серьёзный пробел в законодательстве, что противоречило принципу законности (ст. 3 УК РФ).

Как «неработающую» и «мёртворождённую» следует, на наш взгляд, рассматривать и ст. 179 УК РФ, устанавливающую ответственность за принуждение к совершению сделки или к отказу от её совершения. По своему составу запрещаемое обозначенной нормой дея-

ние является разновидностью вымогательства (ст. 163 УК РФ), отнесённого законодателем к преступлениям против собственности. На наш взгляд, указанная норма, аналогично утратившей силу ст. 173 УК РФ, решает искусственно созданную задачу, что также противоречит принципу вины в уголовном праве. Таким образом, имеет место ошибка законодателя, заключающаяся в стремлении его сформулировать для надлежащей охраны общественных отношений в рассматриваемой сфере большое количество уголовно-правовых норм. Результат её – «перегрузка» действующего уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, не только «неработающими» и «мёртворождёнными» нормами, но также и нормами, запрещающими деяния, не являющиеся по своей сущности преступлениями, посягающими на экономические общественные отношения.

Пример – ст. 169, 170 УК РФ, устанавливающие ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности и регистрацию незаконных сделок с землёй. По своему составу обозначенные деяния являются разновидностью должностных преступлений, ответственность за совершение которых установлена нормами, составляющими главу 30 Уголовного кодекса РФ. Таким образом, указанные деяния посягают не на отношения, возникающие в исследуемой сфере, а причиняют вред интересам государственной власти и государственной службы [2. С. 23]. В рассматриваемой ситуации возможна и конкуренция между ст. 169 и 285 УК РФ.

Приведённые примеры допущенных законодателем ошибок являются далеко не единичными. Нами отмечалось, что у норм, составляющих главу 22 Уголовного кодекса РФ, отсутствует единая общая задача, к которой сводились бы все данные нормы [Там же. С. 53]. Одновременно в указанной главе законодателем оказались нарушенными и правила логики, поскольку понятие «экономическая деятельность» охватывает буквально все предусмотренные уголовным законом преступления. Так, смерть человека в результате его убийства, с одной стороны, лишает производство трудовых ресурсов, с другой – в лице осуждённого к реальному лишению свободы влечёт для экономики утрату ещё одного активного потребителя материальных благ; причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее заведомо для виновного полную утрату потерпевшим профессиональной трудоспособности (ч. 1 ст. 111 УК РФ), лишает экономику квалифицированных кадров; диверсия посягает на экономическую безопасность и снижает уровень инвестиционной привлекательности государства; террористические акты и бандитизм могут дестабилизировать экономическую деятельность предприятий, учреждений и организаций; экологические преступления истощают материальные, природные ресурсы – землю, лес. Согласно данной логике большую часть преступлений, ответственность за совершение которых установлена Уголовным кодексом РФ, следует включать именно в главу 22 [Там же. С. 58]. Как видно, законодатель в процессе создания указанной главы УК РФ исходил именно из обозначенной логики. Об ошибочности данного подхода было сказано выше.

Рассмотренное обстоятельство одновременно является и результатом несоблюдения законодателем одного из важных принципов криминализации деяний – принципа научного подхода к их криминализации [2. С. 98]. На наш взгляд, несоблюдение законодателем указанного принципа следует выделить в качестве следующего обстоятельства, обусловившего сложившуюся ситуацию с применением на практике норм, составляющих главу 22 УК РФ. Обозначенный принцип рекомендует законодателю достаточно активно привлекать к формулированию уголовно-правовых запретов учёных – специалистов в сфере уголовного права, криминологов и практических работников, поскольку разработка научных рекомендаций по вопросу о целесообразности или нецелесообразности криминализации какого-либо деяния и оценка социальной обусловленности уголовно-правовой новеллы являются прерогативой исключительно учёных, но не законодателя. В случае криминализации законодателем определённых деяний без учёта мнения учёных, а также без серьёзных научных исследований, вероятность ошибочных решений резко возрастает [Там же. С. 99]. Представляется, что законодатель в процессе формулирования большинства уголовно-правовых запретов, составляющих исследуемую главу Уголовного кодекса РФ, фактически не принял во внимание мнения учёных, насколько они необходимы. По существу, данные запреты были сформулированы «интуитивным» путём. Одновременно имела место криминализация деяний и по инерции, например криминализация обмана потребителей (ст. 200 УК РФ).

Уголовная ответственность за совершение данного деяния имела место и в советском УК РСФСР 1960 г. В советское время рассматриваемое деяние являлось общественно опасным с точки зрения государственных интересов, поскольку обман потребителей в Советском Союзе посягал на интересы советской торговли. В Российской Федерации указанное деяние причиняло вред лишь потребителям. Как показывает практика, подавляющее большинство дел, рассмотренных судами г. Томска по ст. 200 УК РФ, было прекращено либо по акту амнистии, либо в связи с деятельным раскаянием, либо за примирением с потерпевшим [Там же. С. 89]. Неудивительно, что обман потребителей в 2003 г. был декриминализован. В условиях рыночной экономики обмеривание, обвешивание и прочие нарушения правил торговли предпринимателями не представляют общественной опасности для потребителей и могут быть устранены либо самими потребителями в гражданско-правовом порядке, либо административно-правовыми способами, либо самими предпринимателями, поскольку им невыгодно обманывать потребителей.

Одновременно в 2003 г. законодателем была декриминализована и заведомо ложная реклама, ответственность за совершение которой была установлена ст. 182 УК РФ. Указанную декриминализацию, как и декриминализацию обмана потребителей, следует оценить как правильный шаг законодателя, поскольку обозначенные деяния являлись преступлениями небольшой тяжести. То же отмечалось и практическими работниками в ходе проведённого анкетирования [Там же. С. 122].

Таким образом, несмотря на постоянно вносимые законодателем поправки в главу 22 Уголовного кодекса РФ, по-прежнему возникает необходимость дальнейшего её реформирования. Обозначенное реформирование, во избежание законодательных ошибок, должно осуществляться исключительно с принятием во внимание законодателем мнения как учёных, так и практических работников. Благодаря этому возможно правильное определение направлений данного реформирования. Одним из указанных направлений, по нашему мнению, является криминализация новых деяний. Следует принять во внимание, что необходимость введения уголовно-правовых новелл в главу 22 УК РФ возникает только тогда, когда возникает опасность острого конфликта между предпринимателями за потребителя либо сговор между одними предпринимателями против других предпринимателей за рынки сбыта продукции. Невмешательство со стороны государства в данной ситуации повлечёт за собой самые неблагоприятные последствия для самих предпринимателей, потребителей, рыночной экономики в целом, экономической безопасности государства. Поэтому государству необходимо вмешиваться в отношения между предпринимателями при посягательстве на отношения конкуренции. Конкуренция представляет собой «нерв» рыночной экономики. Без неё невозможно развитие малого и среднего бизнеса, повышение качества продукции, а также снижение её себестоимости. Одновременно введение уголовно-правовых запретов допустимо, если отношениям конкуренции причиняется прямой и косвенный вред. Прямой вред – реальные убытки добросовестному предпринимателю. Косвенный вред – экономический ущерб интересам потребителей и экономической безопасности государства [Там же. С. 116]. Исходя из этого, нами ранее отмечалось о необходимости криминализации отдельных деяний, посягающих на отношения добросовестной конкуренции. В частности, необходимости криминализации промышленного шпионажа, поскольку существующей в главе 22 УК РФ ст. 183, по мнению практических работников, явно недостаточно для борьбы с обозначенным деянием. Следует принять во внимание, что предприниматели несут миллионные убытки вследствие отлаженного промышленного шпионажа со стороны своих конкурентов [Там же. С. 66]. Таким образом, необходимость введения уголовной ответственности за совершение указанного деяния бесспорна. Кроме этого, бесспорна необходимость криминализации и дискредитации деловой репутации предпринимателя, поскольку существующая в главе 17 Уголовного кодекса РФ ст. 128.1, устанавливающая ответственность за клевету, не может должным образом защищать отношения конкуренции. Как показывает практика, обозначенная форма недобросовестной конкуренции в настоящее время набирает обороты, угрожая тем самым экономической безопасности государства [Там же. С. 68]. Одновременно в действующем уголовном законодательстве РФ отсутствует и уголовно-правовой запрет введения в заблуждение потребителей. Рассматриваемое деяние по своей сущности нельзя рассматривать как мошенничество, поскольку потерпевшим в результате его совершения является

не потребитель, а именно добросовестный предприниматель, лишаящийся, с одной стороны, потребителей, поскольку он использует честную информацию, не содержащую ложные, но привлекательные сведения, с другой стороны, доверия потребителей из-за обманных действий недобросовестных коммерсантов. Таким образом, необходимость криминализации данного деяния также является бесспорной [Там же. С. 70]. При этом не исключается и криминализация иных деяний. Для решения вопроса о её необходимости законодательно, наряду с учёными, следует проводить мониторинг криминогенной ситуации в рассматриваемой сфере.

Предлагаемое нами реформирование отечественного уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в рассматриваемой сфере, не исключает и внесение изменений в уже действующие нормы. Также нами ранее отмечалось о необходимости внесения изменений и в иные нормы, составляющие главу 22 УК РФ. В частности, в диспозиции ст. 194 необходимо уточнить, что представляет собой «уклонение от уплаты таможенных платежей» – действие, бездействие либо оно является их сочетанием. Благодаря этому станет возможным избежать произвольного толкования практическими работниками понятия «уклонение» [Там же. С. 171]. Одновременно не исключается и внесение поправок в иные нормы, например в ст. 178 УК РФ, устанавливающую ответственность за «подавление» конкуренции. Во избежание законодателем ошибок необходимым будет проведение мониторинга ситуации, складывающейся с практическим применением того или иного уголовно-правового запрета.

Кроме рассмотренных, к направлениям дальнейшего реформирования уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, следует, на наш взгляд, отнести и декриминализацию некоторых деяний. Анализ поправок, внесённых законодателем в главу 22 Уголовного кодекса РФ, позволяет сделать вывод, что реформирование её осуществляется преимущественно путём криминализации новых деяний. За период действия УК РФ из указанной главы было исключено только 4 (!) уголовно-правовых нормы, в то же время она была дополнена более чем 10 (!) новеллами, одна из которых фактически «восстанавливает» уголовную ответственность за совершение декриминализированной в 2011 г. контрабанды денежных средств – ст. 200.1 УК РФ, введённая законодателем в 2013 г. Несмотря на данное «шараханье» законодателя, в юридической литературе о внесении указанной поправки было высказано достаточно положительное мнение [5. С. 20]. Как видно, законодатель при решении им вопроса о декриминализации контрабанды денежных средств совершенно не принял во внимание сложившуюся в тот период криминогенную ситуацию. По-видимому, он руководствовался собственной интуицией, что и явилось причиной возникновения в УК РФ указанного пробела. Во избежание необдуманной декриминализации, как и в предыдущих случаях, необходим мониторинг действующих уголовно-правовых норм. Следует отметить, что декриминализация деяний будет направлена на либерализацию уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в рассматриваемой сфере.

Таким образом, дальнейшее реформирование отечественного уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, предполагает как его совершенствование путём внесения в него необходимых новелл и поправок в уже действующие нормы, так и декриминализацию соответствующих деяний. Наряду с внесёнными нами отдельными предложениями о декриминализации не-

которых деяний, в будущем окажется возможным декриминализировать и иные деяния, ответственность за совершение которых предусмотрена составляющими главу 22 Уголовного кодекса РФ нормами. Представляется, что в настоящее время, в условиях постоянного развития экономики нашего государства, предлагаемое реформирование должно представлять собой преимущественно декриминализацию деяний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савкина М.А. Несовершенство норм российского уголовного законодательства в сфере предпринимательской деятельности // Российская юстиция. 2013. № 11. С. 47–48.
2. Лозинский И.В. Проблемы реализации принципов криминализации и положений законодательной техники применительно к нормам главы 22 УК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. 231 с.
3. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М. : Юрид. лит., 1974. 183 с.
4. Фалалеев М. Банкиры работали «по-чёрному» // Российская газета. 2013. 26 декабря.
5. Жерновой М.В. Противодействие незаконным финансовым операциям в России // Российская юстиция. 2013. № 10. С. 18–20.
6. Забегайло Л., Назарова И. Актуальные вопросы применения уголовной ответственности за нарушение прав на коммерческую тайну // Право и экономика. 2014. № 1. С. 34–37.
7. Говорков Н., Терехов Е. Крупный ущерб при криминальном банкротстве // Законность. 2013. № 11. С. 44–47.
8. Яни П.С. Проблемы квалификации преступлений в сфере банкротства // Законность. 2014. № 1. С. 38–42.
9. Шматенко А. Субъекты криминальных банкротств // Уголовное право. 2014. № 1. С. 82–87.

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 июля 2014 г.

FURTHER REFORMATION OF THE RUSSIAN FEDERATION CRIMINAL LAW PROTECTING SOCIAL RELATIONS IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY: IMPROVEMENT OR DECRIMINALIZATION?

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 155-160. DOI: 10.17223/15617793/386/27

Lozinsky Igor V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lozin@mail.tsu.ru

Keywords: reformation; Chapter 22 of Criminal Code of the Russian Federation; social relations in the sphere of economic activity.

Criminal law of the Russian Federation protecting social relations in the sphere of economic activity is still a long way off perfection despite its novelty and constant amendment and supplement legislative process. In this connection, further law reformation has become vital. In scientists' consideration, the amendments introduced into Chapter 22 of the Criminal Code of the RF in 2013 turn out to be insufficient. Simultaneously, these amendments have great disadvantages. In particular, after their introduction into Articles 174, 174.1 of the Criminal Code of the RF (CCRF), these legal rules have been left inapplicable. Therefore, the necessity of essential legislative amendments into these rules seems to be quite important. Moreover, the amendment introduced into Article 193.1, Chapter 22 of the CCRF that criminalizes taking money off abroad in the guise of legal and financial operations and aims at combating a widespread money taking off method as a compensation for consultation, accountancy, law and other services appeared to be imperfect. For the purpose of its improvement further amendments must be made. Relevant amendments should also be included into the rules that establish criminal responsibility for criminal bankruptcy, Articles 195-197 of the CCRF, since the given rules in the current version are incomplete. The amendments are required for the criminal and legal rules that establish responsibility for 'suppression' of competition and for illegal obtaining and disclosure of a commercial secret (Articles 178, 183 of the CCRF). Equally with the amendments in the current criminal law rules protecting social relations in the considered sphere, there is a need in both criminalization and decriminalization of acts. Particularly, Chapter 22 of CCRF has no rules dealing with some forms of unfair competition, e.g., defamation of a business owner's reputation, industrial espionage. Criminalization of other acts concerning competition is also possible. At the same time decriminalization of some acts can be made, the responsibility for those acts is laid down by the rules of the indicated Chapter, e.g. coercion to making or rejecting a transaction (Article 179 of the CCRF), impediment to legal entrepreneurial activity, registration of illegal land operations (Articles 169-170 of the CCRF). Further reformation of criminal law protecting social relations in the considered sphere is intended to have both its improvement by introduction of essential novels and amendments into the current rules and decriminalization of relevant acts. In the condition of constant national economic development the reformation must be fulfilled mainly in the way of decriminalization of acts.

REFERENCES

1. Savkina M.A. Imperfection of the norms of Russian criminal legislation in the sphere of entrepreneurial activities. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2013, no. 11, pp. 47-48. (In Russian).
2. Lozinskiy I.V. *Problemy realizatsii printsipov kriminalizatsii i polozheniy zakonodatel'noy tekhniki primenitel'no k normam Glavy 22 UK RF*. Diss. kand. jurid. nauk [Problems of implementation of the principles and provisions of the criminalization of legislative techniques in relation to the rules of Chapter 22 of the RF Criminal Code. Law Cand. Diss.]. Tomsk, 2010. 231 p.
3. Lazarev V.V. *Probely v prave i puti ikh ustraneniya* [Gaps in the law and how to overcome them]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 183 p.
4. Falaleev M. Bankiry rabotali "po-chernomu" [Bankers worked "in the black"]. *Rossiyskaya gazeta*, 2013, 26 December, p. 8.
5. Zhernovoy M.V. Counteraction to illegal financial operations in Russia. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2013, no. 10, pp.18-20. (In Russian).
6. Zabegajlo L., Nazarova I. Topical issues of application of criminal liability for violation of rights to commercial secret. *Pravo i ekonomika*, 2014, no. 1, pp. 34-37. (In Russian).
7. Govorkov N., Terekhov E. Large-scale damage in criminal bankruptcy. *Zakonnost'*, 2013, no. 11, pp. 44-47. (In Russian).
8. Yani P.S. The problems of classification of bankruptcy crimes. *Zakonnost'*, 2014, no. 1, pp. 38-42. (In Russian).
9. Shmatenko A. The subjects of criminal bankruptcy. *Ugolovnoe pravo*, 2014, no. 1, pp. 82-87. (In Russian).

Received: 06 July 2014